

Продолжение «Доктора Живаго»?

Анатолий ГЛАДИЛИН

Известия. — 1992. — 30 дек. — С. 7.

За свой роман Борис Пастернак заплатил жизнью. И у какого литературного проходимца поднялась рука присваивать себе героев чужих книг и распоряжаться их судьбами по собственному безвкусию и собственной бездарности!

В литературном приложении к газете «Фигаро» напечатана статья Валери Дюпоншелль, в которой автор анализирует новую литературную моду. Модно нынче, господа, писать продолжения известнейших романов.

После большого финансового успеха «Скарлетт» Александры Риплей (вторая часть, если можно так назвать, книги Маргарет Митчелл «Унесенные ветром») издатели срочно начали делать деньги. Вышло продолжение «Ребекки» Дафны дю Морье, вышла «Мадмуазель Бовари», написанная, как вы сами понимаете, не Гюставом Флобером, а Максимом Бенуа-Жеаннен, на очереди новые вариации семейной хроники Голсуорси «Сага о Форсайтах» и так далее. И вдруг читаю (цитирую дословно): «Та же перспектива для «Ребенка Лары» — продолжение «Доктора Живаго», написанного под псевдонимом некоего Александра Моллина. Книга должна выйти в сентябре 1993 года. Договор об авторских правах был заключен в Германии, что вызвало возмущение итальянского издателя Фельтринелли, который вывел роман писателя-диссидента из Москвы, первым его издал, а потом, после смерти Нобелевского лауреата, пезезаклучил контракт с сыном Бориса Пастернака, Евгением Пастернаком».

Не знаю, как для кого, а меня эта новость ошеломила. Что ж, если это модно, если это выгодно, в скорости надо ожидать современную книгу о Тристане и Изольде (только Тристан без Изольды или Изольда без Тристана?), повести о Вронском или Каренине (как им мыкалось после смерти Анны Карениной?) или счастливое житие Каштанки, нашестей старых хозяев. Разумеется, продолжатели литературных вестей вйд ли достигнут высот Толстого и Чехова — это, кстати, видно и по роману «Скарлетт», бледной копии «Унесенных ветров», — но издателей такие мелкие подробности совсем не смущают. Более того, как замечает Валери Дюпоншелль, издатели уверены, что совершают благое просветительское дело, ибо, по их подсчетам, появление продолжений вызывает интерес читателей к первоисточнику.

В старое доброе время такую же заметку напечатали в советских газетах под заголовком «Их нравы». Однако теперь их нравы — это вроде бы наши нравы. Ведь Россия пытается жить по законам рынка, а товарищ Рынок, как и товарищ Волк, знает, кого кушать.

Тем не менее я думаю, что в данном случае западные примеры для русской литературы неприемлемы. Во-первых, с элементарной юридической точки зрения. Западные издатели так или иначе договариваются с наследниками великих писателей. С Евгением Пастернаком, насколько я понимаю, никто не говорил о книге «Ребенок Лары». Какое издательство ее намерено выпускать, «Фигаро» не сообщает, но можно поинтересоваться у синьора Фельтринелли. Он в курсе. А поинтересоваться надо.

Во-вторых, по моим стариковским архаичным понятиям, присваивать героев чужих книг — это воровство или публичное проявление своей писательской второсортности, дескать, ничего своего выдумать не могу. Ну хорошо, возраят мне приверженцы моды, бывают исключения, литератор хочет поэкспериментировать, порезвиться, он имеет право на свободу творчества. Но у романа «Доктор Живаго» особая история. Борис Пастернак на нем капитала не нажил, более того, заплатил за него жизнью. Сейчас «Доктор Живаго» издан на родине миллионными тиражами и в дополнительной рекламе не нуждается. Он остается в русской литературе символом трагедии писателя. И вот появляется некто, скрывшийся под псевдонимом Александра Моллина, и желает нагло заработать на чужой крови. Вы знаете, мне приходилось много раз сталкиваться с отечественными подонками, и все же я надеюсь, что этот человек вырос не в России и воспитан не на русской культуре.

И последнее. В самый глухой период застоя в Союзе писателей нашлись смельчаки, которые не позволили передать дачу Бориса Пастернака (сейчас в ней музей) очередному литературному номенклатуристу. Да и мы, по радиоголосам, поддерживали их и отчаянно били в набат. А теперь только итальянец Фельтринелли собирается судиться, защищать русский роман, а на родине Бориса Пастернака, кажется, никто не шевелится. Ну да, Союз писателей практически распался, но ведь писатели-то не исчезли! И потом, есть Министерство культуры, есть закон об охране авторских прав, есть в конце концов такое понятие, как «честь русской литературы». Или ничего этого не осталось, все ушли на рынок и всем все давным-давно до лампочки?

ПАРИЖ.